

Автор Ольга ШЕВЧУК

Ушедшая любовь

Услужливо воображение
Кому-то образ мой напомнило.
О, безрассудство покушения
На мой уют, иной наполненный
Любовью, что рябиной спелой
Сладит, чутка, будто мембрана.
Вдруг, словно голубь, крылья белые
Листок роняет телеграммный:
«Люблю!» – как стон, как крик пронзительный,
Что в исступленье сводит жилы.
Но, глянув безучастным зрителем,
Я крылья голубю сложила.

О, сумасбродство покушения
На кисти терпкие рябины!
Нет, не подвластно воскрешению
То, что прошло... Я отлюбила.
Молчи! Ты мёртв, мой гость непрощенный!
Лежишь недвижно у обочины...
Строка «Люблю!» – как червоточины
На крыльях, снегом припорошенных.
Я не прельщусь минутной радостью.
Нет голубей! Кыш, суматошные!
Но иногда, в порыве слабости,
Мы ищем силу в бурях прошлого.

Расставание

О, отчаянье глаз, от горя огромных,
И оставшийся голос, как взаперти.
Поезд вырвался из объятий перрона
И умчался, стуча: «Прости... прости...»

О, как бился мой чай о стенки стакана!
Под колёса вагонов падала степь.
И казалось, рухнут столбы-истуканы,
Лишь успеет только перрон опустеть.

Поезд плыл, как сквозь вихрь прощального танца,
Под мерцанье гасимых ветром свечей.
И всё дальше от глаз, моливших: «Останься!»
И всё дальше от слов, что нет горячей.

О, как медленно ночь мне дверь отворяла!
И тревожный гудок предвещал беду...
Если только бы знала, ЧТО я теряю,
Соскочила б на полном ходу!

Ледник одиночества

Не разуверилась, мост не взорву к тебе,
Хотя подчас твой шаг не предсказуем.
Ты – мой монах, я вечный твой Тибет,
Твоё смирение и твой Везувий.

О если б были мыслей мы одних!
О если б мой призыв ловил ты чутко!..
Давно б растаял одиночества ледник,
Под яростной моей капелью чувства!

В небытие уйдут и наши имена...
Простишь себе ли, поняв ненароком,
Что, как ни густо вся Земля населена,
Всё ж без меня тебе повсюду одиноко?

Лучник

Бледность-зеленость цветка
В мир выносят каллы,
Закруглённость лепестка,
Словно по лекалу.
В раковинной белизне
Спрятан солнца лучик...
В нём – огонь. В нём – свет! И мне
Каллы дарит лучник.
И в душе моей – мятеж,
Гул аккордов звучных.
Белый цвет – то цвет надежд.
Что ты просишь, лучник?

Прежде мне несла волна
Раковины витые,
Створки – будто после сна
Веки приоткрытые.
А внутри – мятежный звон,
Моря стон глубинный.
Море горбило, как вол,
Над моллюском спину.

Сколько было их окрест –
Выбирай из лучших.
Белый цвет – то цвет невест.
Что ты хочешь, лучник?
Воплощения мечты?
Казни недоверия?
Поцелуя?.. Я и ты
В сладостном преддверии,
Оробев, стоим одни,
Перед счастьем – смертны.

Только каллы холодны,
В них – покой несметный.
Равнодушный белый плен,
Горделивость статуй...
Каллы, каллы, у колен –
Лучник! Сыплю золото.

Алчный взгляд, восторг... Всё – в прах...
Не любви искал он!..
Прочь! Валяются в ногах
Скомканные каллы.

Душа болит

Душа болит, болит душа...
Дымит, нанизана на вертеле,
Нет избавленья даже в смерти ей.
Ах, если б жили, не греша!

На углях – в плач,
На углях – вскачь,
Хоть миг побыть бы в невесомости!
Душа сама себе – палач
На вертеле горячей совести.

Чадит опавшая труха,
С золою угли перемешаны.
Мы все грехом с зачатья мечены,
Нет очищенья без греха!

Но, сбросив гарь и пепел вниз,
В огонь, в кровавый смерч, в сумятицу,
Души очищенная матрица
Уйдёт легчайшей дымкой ввысь.

Провода

Провода в ночи рублю,
Иступлённо, оголтело.
Телефонное: «Люблю!» –
Я б тебе сказать хотела.
Смолкла трубка навсегда,
Разлетелись провода,
Крик летит мой в никуда...
Голос свой сорвать рискую.
Я, безумствуя, тоскую,
Имя по слогам дроблю,
Надрываю слогом горло.
Прежде сладкое: «Люблю!»
Нынче кажется прогорклым.
Слишком долгая агония
У любви – в огонь, в огонь её!

Ярость душит. Слезы – градом.
В горле – рана. Дайте льда!
Ну, дыши, любовь, на ладан!
Прочь из тесного гнезда!
Нет в тебе уж впредь улады!
Оборвись, навек, узда!
В грязь упали провода,
Что твой голос приносили.
О, проклятье! О, беда!
Я любовь убить не в силах –
Ни сейчас и никогда:
Мир земной она вместила.
О, шальные провода!..

Островитянка, тетива и стрела

1

Изранясь в кровь о гребни острые,
Не веря в милосердье свыше,
Очнусь я на пустынном острове –
Никто мой крик здесь не услышит.
И в дикой тишине оглохшая,
От всех земных страстей беглянка,
В ночи зажгу печально плошку я
И превращусь в островитянку.
И, корчась в ритуальных танцах,
С душой, пожарами оплавленной,
Смиренность чувств, крича, восславлю я,
Чтоб с болью жгучею расстаться.
Тряся коралловыми бусами,
Звеня серьгами и монистами,
Казнить любовь я буду истово,
И будут губы в кровь искусаны.
В сражениях с судьбою чёрствою
Не каждый в роли победителя.
И задымят костры на острове,
Прочь отгоняя искусителя.
Трава с лугов заменит простыни,
А росы – вин игристых пену...
Ты не узнаешь, что на острове
Ждала чудачка перемены
В судьбе... И сердцем безутешная,
Взывала к Неба милосердию.
И отгоняла мысли грешные,
Духовным заповедям следуя.
Но, очищенью неподвластная, –
Любовь сжигала, как росянка! –
Отбросив плошку, ночью ласковой
Покинет кров островитянка.

Засыплет угли, с жару медные,
Простится с выжженной пустыней
И понесёт в рассвет неведомый
Любви нетленные святыни.

2

Душа по жёсткому гороху
Каталась в эту ночь, мой друг.
Как больно собирать по крохам
То, что кому-то без потуг
Дано – без страха и страданий...
О, справедливость, ты слепа!
Какая мука мне – свиданья,
Когда судьба на них скупа!

Ты счастье видишь в устремленье.
Стрела роднится с тетивой.
С каким отчаянным волненьем
Моя душа в лук рвётся твой,
Чтоб дать стреле полёт высокий,
Хоть слышу вещие слова:
«Миг напряжения – жестокий.
Бывает, рвётся тетива».

Рвись! Для того, чтоб длился вечно
Полёт стрелы по миру звёзд,
Я и пришла в октябрьский вечер
В мир, что для счастья был непрост.

Над колыбелью

Мой сын – взахлёб...
Наросты ледяные,
И те б от крика, кажется, растаяли.
Как много женщин ночи слюдяные
У детских колыбелей коротали!

Роняли сонно косы на подушки
И, встрепенувшись, напевали снова.
И подрастал под пенье няни Пушкин,
Заворожённый тихим русским словом.

Певуньи и кормилицы безвестные!
Хранительницы вещего фольклора!
Издrevле славилась Россия песнями,
А с песней ладилась работа споро.

И в век ракет, баюкая младенцев,
Традиции поддерживая древние,
Студентки-мамы чтят законы Ленца
И напевают песни колыбельные.

И удивляют в совмещенье дерзком,
И покоряют жизнеутверждением.
А после лекций нежный лепет детский
Снимает с мам усталость, тревожнения.

И я, качая детскую кроватку,
Зубрю конспект, бессильно сгорбив спину.
И веки опускаю в дрёме краткой,
И, вздрагивая, наклоняюсь к сыну.

Усни, малыш! Ну, что тебя тревожит?
Баюкаю безбрежными ночами...
Ах, если б время, как коня, стреножить!
Так быстро мчится – лет не замечаю!

Белеет за окном фонарь согбенный,
Дом спящими томится голосами...
Хвала тем женщинам, кто с песней колыбельной
Встречают свой расцвет и угасанье!

Зов времени

Радуй, сердце, завидной сноровкой,
Сила воли, будь верной сподвижницей!
Время просит на гребень не робких,
Облегчённых дорог не предвидится.

Там улыбка, где шутка в почёте,
Там удача, где малое ценится.
Мне б туда, где за подвиг сочтётся,
Напролом – к люциферовой мельнице!

А закружит на лопастях лютых,
А швырнёт грубо в пыль придорожную,
Боль внезапную молча стерплю я,
Зубы стиснув, свершу невозможное.

Бетховен

«Как равнодушен мир... И алчен, и греховен...
В пустыне горстку не подаст песка...
Я пробужу его!» – кричал больной Бетховен,
И страстно билась жилка у виска.
В саду алела выпренно калина...
О, злая тишь! О, страстный бунт души!
И тлели грустно угольки в камине...
Грянь, буря звуков! И – сметай, круши!

И вдруг вскочив в порыве созиданья,
Презрев мгновенно немощь и покой,

Он разбивал законы мироздания,
Как громовержец, вещею рукой.
Искал тональность, мерил такт ладонью,
Охрипший, падал, воскресал опять.
И вихрь сонат сметал с пути агонию,
Смерть, негодуя, отступала вспять.

И музыка, остервенев, в накале,
Взлетала ввысь от нотного листа,
Подвластны были ей любые дали!
И мысль была упряма и чиста.
Земля под звуки всё быстрее вращалась,
Грозами откликались облака...
А он, иные бури предвещая,
Приветствовал грядущие века.

Желание

День-виток сменяется витком.
Смерч потери. Счастья зыбкий круг.
Остриём насмешек, шепотком
Вдруг кольнёт завистник и лжедруг.

О, ищите место послабей!
Раздувайте до небес пустяк!
Может, станут звёзды голубей?
Уместится океан в горстях?

Мне б найти единственное то,
Что всю боль утрат окупит вмиг.
И однажды дня тугой виток
Золотой пробьёт в душе родник.

Жизнь, не дай погрязнуть в суете,
Устремленьям не готовь предел.
Дай, судьба, мне смерти на щите,
А живой – быть в самой гуще дел!

Рыбачка-осень

Кинь, рыбачка-осень, невод,
Превзойди весь мир в улове.
Не грозит верха прогневать,
Коль сама с богами вровень.

Как легко листва-рыбёшка
В дивный невод залетает!
Осень родилась в рубашке:
Рыбка в сети – золотая!

Тот улов волшебный мне бы,
Все мечтанья стали б явью.

Гол, как зимний лес, мой невод...
Я дух нищего восславлю!

Не познай, рыбачка, немощь,
Одари весь мир уловом.
Сердце, сердце! Что ж ты немо –
Выжми, выдави хоть слово!
Ни полчувства, ни полслова...

* * *

Стуча нещадно каблуками,
Шла над взволнованной Невой.
Как чутко вторил сердцу камень,
Не пробиваемый травой,
Не избалованный цветами...
Я шла, рассерженная вами,
Гонимая сама собой.

Кусала губы в злом бессилии,
Кляла себя за слепоту.
О, лучше быть мне вечной ссыльной,
Чем пережить свою мечту!

Любовь из сердца – на погост.
Ударьте, тучи, громче залпами!
Отныне – лед мой вечный гость.
Вдруг катер килем, словно скальпелем,
Прорезал грудь реки больной,
И рана заросла волнами.
И в этой сумеречной драме
Моя Нева была со мной!

Путь заживленья раны прост:
Затянет молодая кожица.
Но отчего мой средний рост
Мне нынче карликовым кажется?

Крушись, ломайся, рухни, мост!
Грянь ливнем, дождь, а не накрапывай!
«Он не любил!» - впивалось в мозг.
«Он лгал!..»
Он сам себя обкрадывал.

Над просветлённой Невой,
Давясь слезами и словами,
Я шла, держа все меньше зла,
И, как Нева, жила, жила!
И вытекал из раны гной.
Моей любви порыв шальной
Жизнь перемелет жерновами.

* * *

Поэзия тоскует о поэте,
О гении, чье редкое перо
Сравнится даже с пушкинским, и этим
Заслужит восхищённое: добро!

Поэзия мечтает о таланте,
Что с книжных полок вытеснил бы хлам.
Она скорбит: как много дебютантов
И мастеров – а воз и ныне там!

Корит, ворчит, как древняя старуха.
Ей всё не так!
А я хочу сказать:
Ты надели планету тонким слухом,
Таким, чтоб пушкинскому был под стать.

И мир услышит голос поколений,
И шум с ресниц скатившейся слезы,
И звездопад, влюблённых душ томленье,
И лёгкий шорох крыльев стрекозы;

Как тяжело вращается планета,
Как солнца луч стремглав к земле летит.
И в каждом заболит душа поэта,
По-пушкински, тревожно заболит.

Лестница к терему

Расплескалось зарево
По московским звонницам.
Эх, прожить бы заново –
Всех святых угодницей!
Без сучка-задоринки,
Без потопа, засухи,
В чистой русской горенке –
У Христа за пазухой!
Узами исконными
Крепче быть бы связанной:
Роды – под иконами,
Хоровод – под вязами.
Жизнь моя пустынная,
Ей зардеть бы яблоней!
Ввысь тянусь настырно я
От корней ослабленных.
Годы, чудо-голуби,
Не попали в баловни.
И огня, и холода
Выпало немало мне.

Не терзайте страданьем чело:
Надо мною не властен, кто смертен.
Будет путь мой и мудр, и приметен,
Ведь крылу помогает крыло.

Я одним от врагов отмахнусь,
А другим прикоснусь к храму Бога.
Два крыла, два меча мне в подмогу –
Мать-Россия и Древняя Русь.

Две защиты, две песни, но высь
Над крылами одна – к ней стремлюсь я
С православно-языческой Русью.
О, высотная даль, отзовись!

Ноша

Несу её, златую, на руках.
Чем выше – тем ступеньки круче, круче...
И что-то словно светит в облаках,
И голос льётся – неземной, певучий.

Несу златую ношу на руках.
А снизу уже гонятся гиены.
И бросить груз я не могу никак,
Не спрятаться и не пройти сквозь стены!

Одно желанье, яркое, как сон, –
Подняться до вершин, как можно выше,
Чтоб голоса небесные услышать,
Пока мой путь ещё не завершён.

Немеют руки... Чем труднее шаг,
Чем ближе свет – тем сердце всё быстрее.
А ноша – как младенец на руках.
И в ней – вся жизнь, всё, что свершить успею.

Мой камертон

Не наполняюсь я чужими звуками:
Они мешают мне звучать самой.
Не лучше ли, пресытившись науками,
Взор усладить садовой бахромой?
Иль затеряться среди улиц города,
Который сплошь из рубленых домов
И женщин с вёдрами... Таков он смолоду,
Увитый змеями печных дымов;
Или за башни выйти монастырские,
Когда в окошке неба прорезном
Косицы заплетает солнце близкое,
Тверца играет золотым руном;

И на валу, где нет давно ни брёвнышка
Ни от кремля, ни от дворца князей,
Найти вдруг сразу то, что лишь по зёрнышку
Я прежде собирала столько дней...
И на забаву ветрам – вечным дворникам,
Едва рассыплет солнце сорок кос,
Вдруг упадут на наши подоконники
То ли монетки, то ли цвет берёз.
...Но если я в сомнениях отчаянных,
Мой камертон – те звуки, что извне.
И не было без них бы ни звучания,
Ни той струны таинственной во мне.